

12-й год Конохи, эпоха, ставшая легендой и запечатленная в архивах...— Хэтян! На улице родильного дома стоял средних лет мужчина с упрямой бородой, курил сигарету и выглядел немного уставшим:— Семья Ханю уже погибла. Услышав это, молодой человек по имени Хэтян вздрогнул, выражение его лица было невероятным, и он спросил дрожащим голосом:— Все? Получив утвердительный ответ от среднего мужчины, Цурута уже имел слезы в глазах и задыхался:— Не ожидал, что такие хорошие люди, как Ханю, умрут... Средний мужчина выпустил длинный дым, похлопал Хэтяна по плечу и утешал:— Хэтян, эти благородные поступки, которые ты совершил, не забудут тебя, когда война закончится... Услышав это, Цурута покраснел, как будто его унизили:— О чем ты говоришь? Семья поручила мне своих детей, они меня уважали. Даже если они умерли, я должен позаботиться о детях. Это моя ответственность! После нескольких приветствий двое медленно вышли наружу. Они медленно вышли из двери, и никогда не думали, что в колыбели внутри родильного дома есть пара глаз, которые смотрят на визитную карточку на их колыбели: Ханю...— Неужели я действительно перенесся в мир Наруто? Ли Цзесюань прищурил глаза и посмотрел на Календарь Хокаге неподалеку:— Двенадцатый год Конохи? Это не очень хорошо. Будучи фанатом Наруто, он знает большинство событий в мире Наруто. Три войны ниндзя! Атака Девятихвостого на Коноху! Уничтожение клана Учиха! Заговор Бай Жюэ! К сожалению, большинство этих крупных событий произошли десятилетия спустя. А 12-й год Конохи был жестокой и кровавой эрой, о которой осталось лишь несколько коротких предложений, потому что это была просто война, бой...— Без силы, боюсь, я скоро умру. Ли Цзесюань закрыл глаза, и перед ним медленно появилась строка странных символов.— Пожалуйста, получите свой начальный набор! Ли Цзесюань смотрел на новости, которые продолжали мелькать перед его глазами. В то же время перед ним стоял обычный деревянный сундук, излучающий слабый свет. Персонаж: Ли Цзесюань. Предметы: Нет. Чакра: Нет. Ниндзюцу: Нет.— Система... Ли Цзесюань был немного в восторге. Как только он перенесся, он обнаружил эту систему.— Система тренировки ниндзя! Однако Ли Цзесюань не торопился открывать сундук, предложенный системой. Если из этого сундука выйдет Гандам, с его нынешним детским телом, это, несомненно, доставит ему неприятности. Внутри высокого зеркала, в теплой колыбели, милое дитя прищуривается и смотрит в зеркало.— Неожиданно, я превратился в ребенка... Ли Цзесюань потер подбородок, не слишком расстроенный. В конце концов, если серьезно, это можно назвать омоложением.— Однако сейчас не время об этом думать. Ли Цзесюань нахмурился, увидев имя Ханю Цзесюань на своей кровати:— Если я правильно услышал, родители твоего тела уже погибли в войне... Этот родильный дом, должно быть, является магазином, специализирующимся на опеке над детьми ниндзя Конохи, и тот Цурута, который был только что, должно быть, владелец этого магазина по уходу за детьми. В этот момент дверь родильного дома вдруг снова открылась. Хозяин родильного дома, Цурута, вернулся! Ли Цзесюань торопливо лег обратно, но заметил между своими ресницами, что выражение лица Цурута было очень неприятным. Тонкое лицо, полностью сияющее насмешкой хищника!— Хе-хе, малыш, я знал, что твои родители такие недолговечные, как я мог бы не дать тебе тратить мою еду столько дней... Говоря это, Хэтян направился прямо к кровати Ли Цзесюань, протянул руку и схватил Ли Цзесюань. Холодные руки Цурута, похожие на паучьи конечности, сжали шею Ли Цзесюань, будто неся мешок мусора, схватил Ли Цзесюань и направился к задней двери родильного дома.— Эй, хороший мальчик, ты крепко спишь! Хэтян ухмыльнулся и открыл мусорное ведро за дверью магазина, и сбросил Ли Цзесюань прямо в него... Через минуту, убедившись, что Цурута ушел. Ли Цзесюань медленно поднялся из мусорного ведра, посмотрел на туго закрывающуюся крышку мусорного ведра и вздохнул...— Действительно, это настоящие ниндзя... Ли Цзесюань глубоко вздохнул:— Воля огня, возможно, горит ярко, но под яростным пламенем скрыты гнилые ветви и корни...